

0 7 2 3 4 6 2 - /

На правах рукописи

Пляскина Марина Владиславовна

**Модальные слова группы категорической достоверности:
структурно-семантический и функциональный аспекты**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Новосибирск - 2001

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета

Научный руководитель – доктор филологических наук
профессор Лукьянова Нина Александровна

Официальные оппоненты – доктор филологических наук
профессор Мартынова Ирина Анатольевна;
кандидат филологических наук
доцент Бутакова Лариса Олеговна

Ведущая организация – Уральский государственный
педагогический университет

Защита состоится «26» июня 2001 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.005.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Алтайском государственном университете (650099, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Алтайского государственного университета.

Автореферат разослан «17» мая 2001 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000707298

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

Лукашевич Елена Васильевна

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена структурно-семантическому и функциональному исследованию русских модальных слов, традиционно относимых к показателям уверенности говорящего в достоверности высказывания.

В современной лингвистике модальные слова (далее МС) рассматриваются как особая группа слов, основной функцией которых является выражение отношения говорящего к содержанию высказывания (В.В.Виноградов).

В 80-90 гг. XX в. МС оказались в поле зрения исследователей при изучении модальных категорий высказывания (А.Вежица, В.А.Белашапкина, Л.И.Васильева, И.В.Галактионова, Н.П.Перфильева, Т.М.Свиридова, Т.В.Федотова, В.А.Шаймиев, Т.В.Шмелева и др.). В аспекте изучения коммуникативного акта выявлено, что МС являются прагматически значимыми элементами высказывания (Ю.Д.Апресян, А.Н.Баранов, И.М.Кобозева, Е.Л.Гинзбург, Е.В.Падучева, Н.П.Перфильева, Т.И.Стексова, Т.В.Шмелева и др.).

Однако, несмотря на исследования последних лет, традиционное представление о том, что модальные (вводные) слова не связаны с предложением и могут быть изъяты без ущерба для смысла высказывания, до сих пор имеет место в школьной и вузовской практике. Вопрос о лексическом значении (далее ЛЗ) МС до сих пор не только не решен, но даже не обозначен достаточно отчетливо. В лингвистических работах МС обычно рассматриваются как синтаксические средства, при этом фактически отождествляется их значение и функции. Остается открытым вопрос о том, как соотносятся семантика МС и выполняемые ими функции. Существуют интересные наблюдения над некоторыми прагматическими возможностями отдельных МС, но они не имеют под собой семасиологической основы и не позволяют получить целостное представление о семантико-прагматическом потенциале МС. Не исследованы функционально-стилистические возможности МС.

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью МС в семантическом и функциональном аспектах. В работе предпринята попытка «вписать» изучение МС в семантико-функциональную парадигму исследования ЛЗ полнозначных слов, выявить таким образом особенности семантики МС и систему их функций. Кроме того, работа включается в антропоцентрическую парадигму исследования языка, поскольку изучение МС как средств выражения субъективных смыслов позволяет выйти на проблемы описания языковой личности говорящего субъекта.

Объектом исследования является лексико-семантическая группа (далее ЛСГ), в которую входят МС конечно, *разумеется, естественно, безусловно, бесспорно, несомненно, понятно* и др. В качестве ее рабочего наименования принимается термин *модальные слова категорической достоверности*, используемый в ряде лингвистических работ (В.З.Панфилов, В.Н.Бондаренко, А.Я.Баудер).

Предметом исследования является системное лексическое значение МС ЛСГ категорической достоверности в соотношении с функциональным потенциалом данных МС.

Цель работы – выявить особенности семантики и функционирования МС ЛСГ категорической достоверности.

Конкретные задачи исследования:

1. Выполнив аналитический обзор лингвистической литературы, рассмотреть вопросы, связанные с изучением значения и функций МС в современной русистике.

2. Осуществив системно-семантический анализ, построить интегральную модель системного лексического значения МС ЛСГ категорической достоверности.

3. Выявить структуру данной ЛСГ.

4. Разграничивая семантические и прагматические компоненты в семантике МС, выявить и описать систему семантических и прагматических функций МС категорической достоверности.

5. Показать возможность использования МС как выразительного средства в художественном тексте.

Источники материала. Эмпирической базой исследования послужили контексты из художественных произведений русских и зарубежных писателей XIX-XX вв., а также из текстов научного стиля. Использовались примеры из текущей периодики, записи устной разговорной речи и фрагментов телепередач.

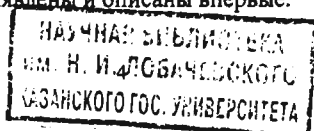
Методы исследования. Многоаспектное изучение МС обусловило использование комплекса разнообразных методов и методик. Особенность исследования состоит в том, что для анализа МС были приспособлены методы и приемы, применяемые преимущественно при изучении полнзначных слов. Кроме лингвистического описания, в рамках системного и функционального подходов использованы контекстный анализ, семантический и прагматический анализ (с учетом параметров речевой ситуации), компонентный анализ, дефиниционный анализ и метод ступенчатой идентификации, полевой метод, дистрибутивный анализ и метод трансформации, количественные подсчеты.

Научная новизна. В диссертации впервые реализован системный семасиологический подход к изучению МС, позволивший определить значение МС как лексическое и выявить специфику последнего в отличие от ЛЗ полнзначного слова.

В рамках интегрального подхода впервые предпринята попытка описать лексическое значение МС категорической достоверности как структуру сем, находящихся в иерархических отношениях.

ЛСГ модальных слов категорической достоверности впервые описана как полевая структура.

В работе разграничены семантические и прагматические функции МС категорической достоверности, выявлена система этих функций. Некоторые прагматические функции выявлены и описаны впервые.

На основе смысловой и функциональной общности показано взаимодействие единиц ЛСГ МС категорической достоверности с другими средствами выражения модусных смыслов.

Рассмотрение МС в рамках художественного текста позволило описать их художественно-стилистические функции.

Теоретическая значимость. Работа вносит определенный вклад в разработку ряда теоретических проблем современной лингвистики:

- лексической семантики, в частности, в разработку проблем, связанных с изучением лексического значения, его структуры, специфики семантики неполнозначных слов;
- семантического синтаксиса: уточняются некоторые аспекты семантики высказывания;
- лингвистической прагматики: выявлена система прагматических функций МС категорической достоверности с учетом взаимодействия семантики МС и различных параметров коммуникативной ситуации.

Данное исследование в определенной степени заполняет лауну в описании МС как особой лексико-грамматической категории.

Практическая значимость. Материал и результаты исследования могут быть использованы в лексикографии при составлении словарей различных типов, а также в вузовской практике преподавания лексикологии, морфологии, семантического синтаксиса. В рамках функциональной грамматики выявленные семантические и функциональные особенности МС позволяют уточнить их положение в различных функционально-семантических полях. Кроме того, сам принцип семантико-прагматического подхода к МС позволит изменить некоторые стереотипные представления, сохраняющиеся в практике преподавания данной темы в вузе и в школе.

Полученные данные используются автором в вузовской практике при проведении спецсеминара по теме «Модальные слова: проблемы изучения и преподавания в школе», а также в курсе преподавания лексикологии.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка литературы (238 наименований) и источников, шести Приложений.

Апробация работы. Основные положения исследования излагались в виде докладов на преподавательских конференциях в Новосибирском государственном педагогическом университете (1996, 1997, 2000); на республиканской конференции «Речеведение в прикладном и теоретическом аспектах» (Новосибирск, 1998); на Пушкинской конференции (Новосибирск, 1999); на «Первых филологических чтениях» (Новосибирск, 2000). Работа обсуждена на заседании кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета (1999-2001). По теме исследования имеется пять публикаций.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. МС категорической достоверности являются лексическими единицами. Они имеют лексическое значение. Это значение сигнификативное, высокой степени абстракции, соотносимое со значением знаменательных слов с

абстрактной семантикой. По характеру лексического значения МС тяготеют к полнозначным словам, занимая в их системе периферийное положение.

2. МС категорической достоверности являются многозначными лексемами. Первый лексико-семантический вариант традиционно определяется как «уверенность в достоверности». Значение «подтверждение/согласие», которое обычно характеризуется как частица, в работе рассматривается как второй лексико-семантический вариант МС. Эти значения связаны общими семами и характеризуются диффузностью при употреблении в речи.

3. Лексическое значение МС, как и любого знаменательного слова, представляет собой гетерогенную иерархическую структуру, в которой выделяется ядро и периферия.

4. МС категорической достоверности в работе рассматриваются как ЛСГ, имеющая полевую структуру. Интегральной семой признается не ‘уверенность в достоверности’, а ‘безальтернативность’.

5. МС категорической достоверности полифункциональны. Они способны выполнять семантические функции, базирующиеся на системном значении, прагматические функции, которые обусловлены как системным значением, так и речевой ситуацией, а также структурные (участие в оформлении синтаксических связей и текстообразующая роль) и художественно-стилистические функции (участие в реализации художественного замысла литературного произведения).

Общее содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы, формулируются цель и основные задачи работы, определяется ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

В **первой главе** «Проблемы изучения модальных слов» определяются используемые в работе исходные понятия, место исследуемых единиц в границах категории МС, рассматривается вопрос о лексикографической интерпретации МС.

МС, выделенные В.В.Виноградовым в отдельный лексико-грамматический класс, представляют собой особую неизменяемую часть речи, занимая промежуточное положение между знаменательными и незнаменательными словами. С соответствующими знаменательными словами их связывают отношения производности – в большинстве своем, МС образованы морфолого-синтаксическим способом.

МС имеют специфическое частеречное значение: они являются средством выражения отношения говорящего к содержанию высказывания, к способу выражения мысли и входят в состав средств выражения субъективных смыслов. В предложении МС, как правило, используются в функции вводных слов, которые характеризуются отсутствием грамматической связи с традиционными членами предложения, но сохраняют с ними смысловую связь: *...Обе дамы отправились в гостиную, разумеется, голубую, с диваном, обеденным столом и даже ширмочками, обвитыми плющом* (Н.Гоголь). Позицию вводных слов в

высказывании целесообразно определять как прикомпонентную: выражаемые ими субъективные смыслы относятся к определенному компоненту предложения – от одного слова до предикативной единицы.

Кроме того, МС могут употребляться в изолированной позиции в реактивной реплике диалогического единства: *Вы писатели? – в свою очередь спросила гражданка. – Безусловно, – с достоинством ответил Коровьев (М.Булгаков).*

Категория МС включает несколько групп (разрядов), различающихся по значению и функции в речи. Центральное место занимают МС, традиционно относимые к показателям степени достоверности высказывания. Мы рассматриваем МС – показатели достоверности как лексико-семантическое поле (далее ЛСП). Внутри поля выделяются две относительно самостоятельные лексико-семантические группы: ЛСГ МС *категорической достоверности* (*конечно, естественно, разумеется, безусловно, бесспорно, несомненно, понятно, действительно, правда, точно* и др.) и ЛСГ МС *проблематической достоверности* (*верно, вероятно, видимо, возможно, кажется, может быть, наверно, очевидно* и др.).

МС данного ЛСП в лингвистической литературе 60-80 гг. XX в. рассматривались преимущественно в грамматическом аспекте и определялись как лексические средства выражения субъективной модальности, т.е. уверенности в достоверности содержания высказывания (Л.В.Анисимова, С.И.Буглак, В.Н.Бондаренко, А.М.Бордович и др.). Однако в работах 80-90-х гг. (В.А.Белошапкина, Т.В.Шмелева, Е.С.Яковлева) поставлено под сомнение утверждение о том, что все МС данного ЛСП являются показателями степени уверенности в достоверности высказывания, поскольку выражение достоверности в норме не нуждается в специальных показателях.

Лексикографическое описание МС – показателей достоверности отражает недостаточную разработанность основных теоретических вопросов: определения морфологического статуса МС, их соотношения с исходными знаменательными словами. Не решен вопрос об особенностях лексического значения МС, о характере синонимии единиц, входящих в данное ЛСП.

Остается неисследованной проблема многозначности МС. В толковых словарях при описании МС – показателей достоверности чаще всего приводится два лексико-семантических варианта, причем один из них квалифицируется как вводное слово, а второй – как частица. Судя по приведенным в словарях примерам, частица используется в функции ответа на вопрос в качестве нечленимого предложения. Неясно, однако, могут ли значения одного многозначного слова иметь разную частеречную принадлежность. Мы исходим из того, что МС – многозначные единицы. Первое ЛЗ традиционно определяется как «уверенность в достоверности», второе – «подтверждение, согласие».

В современной лингвистике утвердилось мнение о наличии у МС богатого прагматического потенциала, однако накопленные сведения не образуют целостную картину, так как не опираются на данные семасиологических исследований. Следствием этого является почти полное отсутствие прагматической информации в словарных толкованиях исследуемых МС.

Вторая глава «Структурно-семантическая характеристика модальных слов категорической достоверности» посвящена структурно-семантическому анализу МС ЛСГ категорической достоверности.

Выстраивая интегральную модель лексического значения МС, мы выделяем ядерные и периферийные семы. Ядро семантики МС составляют присутствующие в ЛЗ всех МС общекатегориальные семы (классемы) – ‘субъектность’ и ‘субъективность’. Сема ‘субъектность’ отражает субъекта речи, включенного в структуру ЛЗ. Употребляясь в высказывании, МС эксплицируют глубинный смысл: «я думаю», «я считаю», «я знаю», «я оцениваю». Сема ‘субъективность’ связана с выражением оценки. Однако, в отличие от оценочной, коннотативной сферы ЛЗ знаменательных слов, порождающей экспрессивный эффект, сема ‘субъективность’ отражает не эмоциональную, а рациональную оценку и в совокупности с другими семами формирует понятийную сферу значения.

Традиционное определение – МС, выражающие уверенность/неуверенность говорящего в достоверности сообщаемой информации, – предполагает, что интегральной семой МС всего ЛСП является сема ‘наличие/отсутствие уверенности говорящего в достоверности сообщаемой информации’. Однако анализ употребления МС показывает, что сема ‘уверенность’ может реализоваться только при использовании МС в высказываниях, эксплицирующих не знание говорящего о предмете речи, а мнение о нем. В ситуации полного знания говорящего о действительности выражение уверенности недопустимо, ср.: **Я уверен, что живу в этом доме. Между тем введение в предложение, выражающее знание, МС типа конечно, естественно, безусловно и др., традиционно относимых к показателям уверенности, вполне возможно: – Вы были надзирателем, это опасно, рискованно? <...> – Риск, конечно, был (С.Довлатов).* Сема ‘уверенность’ в данном случае не реализуется, ср. смысловую неадекватность замены: **Риск, я уверен, был.* Следовательно, МС категорической достоверности не всегда являются показателями уверенности. Сема ‘уверенность/неуверенность’ актуализируется только при определенных условиях, является одним из частных смыслов и, следовательно, не может считаться интегральной для всех МС, относимых к показателям достоверности.

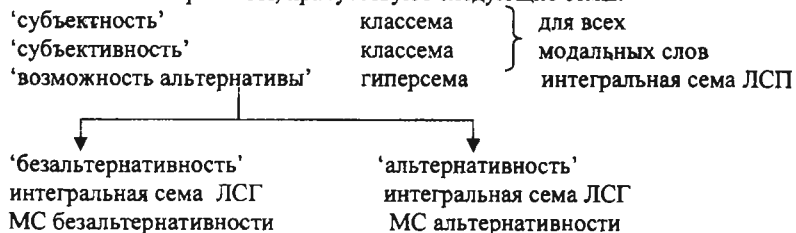
В результате анализа большого количества употребления МС в различных речевых ситуациях в семантике всех МС, относимых к показателям достоверности, выявилась сема ‘*возможность альтернативы*’. Данные МС употребляются говорящим в речи в том случае, когда он оценивает диктумную информацию с точки зрения наличия/отсутствия альтернативы, возможности или невозможности других вариантов положения дел.

Сема ‘возможность альтернативы’ является интегральной семой всех МС данного ЛСП и занимает ядерное положение в структуре их лексического значения. Данное поле мы обозначили как *ЛСП МС – показателей возможности альтернативы*.

В структуре ЛЗ слов ЛСГ категорической достоверности присутствует сема ‘безальтернативность’, она является интегральной семой этой ЛСГ.

Интегральная сема МС ЛСГ проблематической достоверности определяется нами как 'альтернативность'. С учетом сказанного, в работе мы будем называть первую группу *ЛСГ МС безальтернативности*, а вторую, соответственно, – *ЛСГ МС альтернативности*.

Итак, в структуре ЛЗ единиц, входящих в ЛСП МС – показателей возможности альтернативы, присутствуют следующие семы:

В результате анализа структуры лексического значения МС *ЛСГ безальтернативности* выделяются интегральные и дифференциальные семы.

Интегральная сема 'безальтернативность' присутствует в ЛЗ всех МС данной ЛСГ. Употребляя МС, говорящий оценивает пропозицию как единственно возможную, не допуская иных вариантов положения дел: *Мой друг – человек пылкий. Он верит, что зло должно быть наказано. А вы в это верите? – Конечно. На этом весь мировой порядок стоит. А как же иначе?* (из телепередачи).

Основанием для оценки диктумного содержания как безальтернативного является наличие в структуре ЛЗ МС семантического признака, обозначенного нами как '*отсутствие сомнений*'. В зависимости от условий употребления МС он реализуется либо как '*достоверность*', либо как '*уверенность*'. Сема 'достоверность' (соответствие диктума объективной действительности) реализуется в ситуации, когда говорящий обладает полным знанием о «положении дел»: *Ты зубы почистил? – Конечно, почистил!* (из разг. речи).

Сема 'уверенность' реализуется в том случае, когда пропозиция содержит мнение говорящего: *Завтра, конечно, пойдет дождь* (из разг. речи). Субъект речи не имеет полного знания о ситуации (в данном случае потому, что событие еще не произошло). Таким образом, семы 'достоверность' и 'уверенность' находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, реализуясь в зависимости от содержания высказывания.

В ситуациях, когда говорящий не обладает знанием о реальном положении дел, главным основанием для оценки диктумного содержания как безальтернативного является соотнесение события с нормой, представление о том, «как должно». В структуре значения МС мы выделяем сему '*нормативность*', которая отражает установки говорящего: *Знаешь, что меня удивляет в тебе, Олеся? Вот ты выросла в лесу, никого не выдавши... Читать ты, конечно, тоже много не могла <...> А между тем ты так хорошо говоришь, не хуже настоящей барышни* (А.Куприн). Несмотря на то, что у говорящего нет точных знаний о явлении, *конечно* используется как показатель

уверенности в безальтернативности (ср.: *Читать ты, я уверен, тоже много не могла*), которая основывается на существующих у него представлениях об обычном, нормальном положении дел: закономерно, что выросшая в лесу девушка не читает книг. Сема 'нормативность' входит в ядро лексического значения МС и реализуется в высказываниях, эксплицирующих как мнение, так и знание говорящего. Во втором случае подчеркивается закономерность выбранного варианта, его соответствие представлению говорящего о нормальном «положении дел».

Зная, «как должно быть», говорящий оценивает событие как соответствующее норме, предсказуемое: *Мосье Клервиль, конечно, сядет к нам, – не без ехидства сказала Глафира Генриховна* (М.Алданов). В случаях соответствия события представлению говорящего о норме возникает эффект реализованных ожиданий. ср.: *Поезд, конечно, опоздал (я был уверен, что поезд должен опоздать)*. Однако смысл 'реализованное ожидание' актуализируется не всегда: *Она, конечно, опоздает (я уверен, что она должна опоздать)* – априорная уверенность говорящего может не оправдаться. Таким образом, в структуре ЛЗ МС выявляется периферийная сема '**предсказуемость**', которая в определенных контекстах воплощается как '**реализованное ожидание**'.

С ядерной семей 'безальтернативность' связана также производная от нее скрытая сема '**обязательность**', находящаяся на периферии значения МС ЛСГ безальтернативности: *Иногда входил отец, смотрел на кусочки «мозаики», протягивал руки ко столу, говорил: «Вот это, несомненно, должно сюда лечь»* (В.Набоков). МС может быть заменено наречием с семантикой обязательности, ср.: *«Вот это обязательно должно сюда лечь»*.

Итак, в структуре ЛЗ модальных слов ЛСГ безальтернативности выявляется инвариантная часть, включающая в себя комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных сем: 'субъектность' + 'субъективность' + 'возможность альтернативы: безальтернативность' + 'отсутствие сомнений: достоверности/уверенность' + 'нормативность'. Эти семы являются основными, они формируют ядро лексического значения.

К периферии ЛЗ МС относятся семы 'обязательность' и 'предсказуемость'. Последняя при определенных условиях актуализируется как 'реализованное ожидание'.

Помимо инвариантной части, в лексическом значении МС ЛСГ безальтернативности выявляются дифференциальные семы. Они являются периферийными и способны нейтрализоваться в определенных речевых ситуациях, однако именно эти семы детерминируют семантические различия между единицами ЛСГ. Дифференциальный семантический признак отражает причины, по которым говорящий квалифицирует пропозицию как безальтернативную. Мы обозначили его как '**мотивация безальтернативности**'. Он определяется наличием у МС внутренней формы.

МС	Дифференциальная сема
<i>естественно</i>	‘соответствие естественным законам’
<i>разумеется</i>	‘соответствие логике вещей’
<i>понятно</i>	‘объяснимость’
<i>несомненно</i> <i>безусловно</i> <i>бесспорно</i>	‘отсутствие основания для сомнений’ + вероятностный семантико-прагматический компонент ‘отведение сомнений’
<i>известно</i> <i>вестимо</i>	‘общеизвестность’

Наше исследование подтвердило предположение о том, что исследуемые МС в значении «безальтернативность» (традиционно – «категорическая достоверность») образуют лексико-семантическую группу. Они объединяются в ЛСГ на основе архисемы ‘безальтернативность’.

Единицы группы неоднородны и неравнозначны с точки зрения их семантики и функциональных возможностей, что порождает иерархические отношения между ними. Выделяется ядро и периферия ЛСГ. Различия между ядерными и периферийными единицами данной ЛСГ обусловлены объемом лексического значения, наличием/отсутствием стилистической окраски, частотностью употребления МС, а также их функциональным потенциалом.

Доминантой ЛСГ МС безальтернативности является *конечно*. Его семантика является минимальной по семному составу и наиболее простой, вероятно, потому, что это единственное слово ЛСГ, утратившее внутреннюю форму. Оно стилистически нейтрально, наиболее частотно в употреблении, практически во всех контекстах может заменять другие слова данной ЛСГ.

В ядро ЛСГ входят также такие единицы, как *естественно*, *разумеется*, *само собой разумеется*, *безусловно*, *бесспорно*, *несомненно*. Эти МС характеризуются достаточно высокой частотой употребления и не имеют яркой стилистической окраски.

Дальше от ядра расположены *без сомнения*, *вне сомнения*, *без всякого сомнения*, *вне всякого сомнения*, имеющие оттенок книжности и нечастотные в употреблении.

На периферии ЛСГ находятся разговорные и малочастотные МС *понятно*, *известно*, *вестимо*. К ним примыкают выражения *само собой*, *естественное дело*, *понятное дело*, *понятная вещь*, *известное дело*, *знамо дело*.

Такие МС, как *действительно*, *в самом деле*, *правда*, *точно*, формируют дальнюю периферию ЛСГ, так как имеют «переходный» характер: они способны функционировать в определенных речевых ситуациях в качестве частиц или союзов.

ЛСГ МС с семантикой безальтернативности тесно связана с ЛСГ МС с семантикой альтернативности. Зону пересечения составляют МС обладающие амбивалентной семантикой – *верно*, *очевидно*. Кроме того, для единиц двух ЛСГ характерна функциональная эквивалентность.

МС исследуемой ЛСГ пересекаются также с другими языковыми средствами, репрезентирующими модус, в частности, с функционально-семантическим полем языковых средств выражения обязательности, а также с вводными конструкциями, подчеркивающими обычность или общеизвестность пропозиционального содержания, типа *как всегда, как обычно, как правило, как полагается, как положено, что и говорить, как известно* и под.

Семантические возможности МС не ограничиваются выражением оценки диктума с точки зрения наличия/отсутствия альтернативы. Все МС данной ЛСГ способны употребляться для выражения подтверждения/согласия с каким-либо тезисом: – *Я сам зайду к Покрышеву. Ты будешь летать. Но сначала поработаешь механиком. – Естественно, – согласился Мишук* (С.Довлатов).

Полагаем, что смыслы '*подтверждение*' и '*согласие*' являются различными самостоятельными семами. Каждая из них может реализоваться отдельно от другой: а) '*подтверждение*' – *Скажите, есть какие-нибудь успехи? Кто-нибудь нашел друг друга? – Несомненно* (из телепередачи); б) '*согласие*' – *Ну я уж буду сидеть // [в поликлинике, пока не попаду к врачу] – Конечно // И не волнуйся* (РРР. Тексты). Возможна совместная реализация двух сем, тогда формируется синкретичный смысл '*подтверждение/согласие*': *Впрочем, вы... вы меня опять-таки извините, ведь, я не ошибаюсь, вы человек невежественный? – Бесспорно, – согласился неузнаваемый Иван* (М.Булгаков). Отвечая утвердительно, говорящий соглашается с собеседником и подтверждает правильность его предположения, ср.: *Да, я согласен / я подтверждаю, что это так*.

Анализ подобного употребления МС позволяет говорить не о семном варьировании, а о реализации второго ЛЗ. Обозначим его как «подтверждение/согласие».

МС, выражающие подтверждение/согласие, отличаются от других средств выражения этих смыслов, в частности от утвердительного слова *да*. Употребляя МС, говорящий не просто отвечает утвердительно, но подчеркивает, что другому быть не может: – *Можно задать вам вопрос? – Разумеется* (из разг. речи). Структура данного ЛЗ включает ядерные семы '*подтверждение/согласие*' и периферийные – '*безальтернативность*' и связанные с ней семы.

Семы '*подтверждение*' и '*согласие*', в свою очередь, могут реализоваться при употреблении МС в значении «безальтернативность»: *В течение нескольких лет работы над романом <...> я разговаривал на эти темы со сведущими военными людьми, записывал после этих разговоров их воспоминания, их высказывания, а также в дополнение к этому иногда и собственные, возникшие у меня соображения, – разумеется, четко отделяя одно от другого* (К.Симонов). Основу актуального смысла МС во вводной позиции составляет сема '*безальтернативность*'. Дополнительно МС способствует выражению логики рассуждения, которую можно восстановить приблизительно так: «*Я записывал чужие и свои мысли. – Но их необходимо четко разграничивать*». – «*Да, я согласен с этим, я подтверждаю, что это правильно*», т.е. на периферии актуального смысла присутствуют семы '*подтверждение/согласие*'. Следовательно, в структуре ЛЗ, ядро которого

составляет сема 'безальтернативность', выявляются периферийные семы 'подтверждение' и 'согласие'.

Проведенное исследование выявило взаимосвязь двух рассматриваемых лексических значений МС. Традиционный подход в лексикографии, при котором МС в значении подтверждения квалифицируются как утвердительные частицы, основан скорее на функциональной аналогии, нежели на семантическом анализе. Исследование глубинной структуры значения МС не дает оснований для отнесения к различным частям речи лексических единиц, имеющих столь высокую степень семантической близости.

Схематически семантическую структуру многозначного МС можно отобразить так:

1-е ЛЗ		2-е ЛЗ
ядро	сема 'безальтернативность'	периферия
периферия	сема 'подтверждение/согласие'	ядро

Ядерные семы первого значения являются периферийными семами второго, и наоборот.

Значение «безальтернативность» является главным: оно более частотно, более актуально, так как не требует контекста для понимания, первым всплывает в памяти как реакция на МС.

Третья глава «Модальные слова в функциональном аспекте» представляет собой анализ функционирования МС в речи/тексте. В ней рассмотрены три группы функций: семантические, прагматические и художественно-стилистические. Структурные функции МС не являются предметом нашего рассмотрения и характеризуются по мере необходимости.

Семантические функции МС непосредственно обусловлены их ЛЗ и представляют собой реализацию системного значения в конкретном коммуникативном акте.

В соответствии с семантической структурой МС, включающей два значения, мы выделяем две основные семантические функции: 1) оценка диктума с точки зрения наличия/отсутствия альтернативы, 2) выражение подтверждения/согласия. Особенность функционирования МС в речи состоит в том, что в большинстве случаев происходит совмещение данных функций. При этом в зависимости от условий употребления одна из функций является главной, вторая дополнительной: *Это будет – фирма? – Естественно* (С.Довлатов). МС использовано в *диалоге* для выражения подтверждения/согласия, но одновременно говорящий подчеркивает, что выбранный вариант признается единственно возможным, т.е. безальтернативным.

В *монологе* главной семантической функцией МС является оценка содержания высказывания как безальтернативного. Подтверждение/согласие может присутствовать на периферии актуального смысла, что способствует

«диалогизации» монологического текста: Одним из способов фиксации интонации на письме служат, как известно, знаки препинания. Кроме того, в русском письменном тексте выявлены также непунктуационные способы обозначения интонации. *Разумеется, в письменной речи фиксируются отнюдь не все особенности и нюансы интонации* (Н.Черемисина). МС реализует смысл 'безальтернативность'. Но кроме этого, предложение с МС оформлено как ответ на предполагаемое возражение: *«На письме не могут фиксироваться все особенности интонации»*. Говорящий соглашается с этим, ср.: *Я согласна / я подтверждаю, в письменной речи фиксируются отнюдь не все особенности и нюансы интонации*. Актуализация этих сем в монологической речи создает внутреннюю диалогичность текста. Не случайно М.В.Ляпон замечает, что смысловая структура реляционных единиц в целом имитирует свернутое умозаключение.

Прагматические функции обусловлены как семантикой МС, так и различными параметрами речевой ситуации. МС могут служить достижению самых разнообразных иллокутивных целей. При этом нередко одно и то же МС в разных ситуациях реализует диаметрально противоположные интенции, это свидетельствует о функциональной амбивалентности МС.

Выявлены следующие прагматические функции МС.

1. **Авторизация.** Способность МС служить средством авторизации обусловлена наличием в лексическом значении МС семы 'субъектность'.

а) В том случае, когда субъектом квалификации является сам говорящий, МС выполняют функцию самоавторизации: *И именно поэтому русская, советская <...> литература, безусловно, интереснейшая в мире* (В.Некрасов).

б) МС может указывать на «чужое слово»: *Господину Голядкину показалось даже, что другой окликнул его громко по имени, что, разумеется, было весьма неприлично на улице* (Ф.Достоевский). В контексте МС употребляется в речи повествователя перед оценочным высказыванием, указывая, что оценка принадлежит не повествователю, а персонажу.

2. **Экспликация особенностей языковой личности говорящего.** МС могут передавать важную информацию о самом говорящем субъекте. Используя МС ЛСГ безальтернативности, говорящий не просто указывает, что он является автором сообщения, но и подчеркивает, что из многообразия вариантов он выбирает единственно возможный, имея на то определенные основания: *Я, конечно, не мог найти, да и не искал того кабачка, где машинист пел песни и играл на гитаре, <...> но я был в другом, в который он мог зайти* (В.Некрасов). Реализуя сему 'нормативность', МС конечно квалифицирует событие как предсказуемое, соответствующее представлению говорящего о том, «как должно быть». Видимо, субъекту речи необходимо не только описать конкретную ситуацию, но и соотносить ее со своей нормативной картиной мира. Собеседнику эта значимая для субъекта речи информации о себе сообщается попутно, кстати, почти не заметно. Адресат, таким образом, получает сообщение о фрагменте действительности и о фрагменте картины мира адресанта одновременно.

3. **Функция выделения.** МС могут маркировать важный фрагмент высказывания, требующий внимания адресата, выполняя функцию метатекстовых элементов, способствуя тем самым адекватной интерпретации высказывания адресатом.: *Он [Дэвид] испытывал легкое чувство вины оттого, что все вокруг доставляет ему такое наслаждение, <...> но этот чудесный день, предощущение открытия и, разумеется, сама цель всего мероприятия <...> – все, как нарочно, соединилось, создавая иллюзию полной холостяцкой свободы* (Дж.Фаулз).

4. **Изменение степени категоричности высказывания.** Повышение категоричности при использовании МС возникает как результат актуализации семы 'безальтернативность' и связанных с ней сем: *Может быть, я ошибаюсь? – Конечно, ошибаетесь, я даже вас не понимаю... дальше?* (Ф.Достоевский). Конечно выражает не уверенность говорящего в правильности пропозиции, а высокую степень категоричности: *конечно* = 'я считаю, что не может, не должно быть иначе'. Субъект речи не оставляет собеседнику возможности для других вариантов, лишает его альтернативы.

Использование МС с семантикой безальтернативности для снижения категоричности высказывания нетипично, но все же возможно. Такой эффект возникает при актуализации сем 'подтверждение/согласие' в том случае, когда говорящий готов признать право собеседника на другую точку зрения, согласиться с ней хотя бы частично: *Мне кажется, что вы, может быть, несколько правы и что тот русский либерализм, о котором вы говорили, действительно отчасти наклонен ненавидеть самую Россию, а не одни только ее порядки вещей. Конечно, это только отчасти... Конечно, это никак не может быть для всех справедливо* (Ф.Достоевский). Здесь конечно вводит оговорку по поводу собственной речи, допуская возможность другого мнения, возможность возражения и согласия с ним. Говорящий снижает категоричность речи, оставляя собеседнику право на собственное мнение и возможность быть услышанным.

5. **Выражение социальных смыслов в высказывании.** Введение в речь МС может быть продиктовано заботой автора о соблюдении определенных правил речевого поведения, например, при сообщении общеизвестной, банальной информации: [Обсуждение текста диссертации в лингвистической аудитории] *Необходимо выводы развернуть, поработать, естественно, над связностью текста* (из разг. речи). Вводя в высказывание МС, говорящий подчеркивает, что он вынужден говорить о том, что, по его мнению, является понятным и бесспорным для всех присутствующих.

МС с семантикой безальтернативности могут использоваться как реакция на нарушение кодекса речевого поведения собеседником в том случае, когда вопрос кажется говорящему излишним в силу понятности, очевидности ответа: *Сын мой несколько ленив... так что ему надо хорошенько признаться летом для поступления в гимназию. – В классическую? – спросил я. – Ну, разумеется! – заметил Рязанов, словно бы удивляясь вопросу* (К.Станюкевич).

6. **Воздействие на адресата.** Употребление МС может служить целям воздействия на адресата, причем интенсивность воздействия и предполагаемый результат могут быть различными.

а) **Установление и поддержание контакта (фатическая функция).** Поддержанию речевого контакта способствует готовность говорящего учесть позицию собеседника, согласиться с ней. Это происходит за счет реализации сем 'согласие' и 'безальтернативность': *Спасибо, Марина Александровна. – За что мне-то спасибо? Это Елене Васильевне спасибо надо сказать. – Ну, разумеется, Елене Васильевне спасибо* (из разг. речи).

б) **Установление корпоративных отношений с собеседником.** Употребляя МС с семантикой безальтернативности, говорящий нередко предполагает, что собеседник разделяет его представления о нормальном положении дел. Совпадение фоновых знаний и представлений о норме у говорящего и слушающего ведет к установлению корпоративных отношений между ними – «мы одинаково смотрим на мир»: *Мы, кажется, на вы? – На ты, естественно, что за церемонии?* (С.Довлатов).

в) **Отведение возможных сомнений собеседника, уверение.** Наличие в структуре значения МС сем 'уверенность' и 'безальтернативность' обуславливает употребление МС с целью воздействия на адресата для отведения возможных сомнений. Реализация данной интенции является основной семантико-прагматической функцией таких МС, как *безусловно, несомненно, бесспорно: Во-первых, на сеансе затрагиваются все основные, наиболее актуальные аспекты человеческого бытия. Если это семейные отношения, то насколько благополучен этот брак будет в дальнейшем, как долго он будет существовать, <...> – все это, безусловно, будет подробно освещено на сеансе* (из газет). Главное предназначение МС в данном рекламном тексте – отвести возможные сомнения собеседника, уверить в том, что иные варианты развития событий исключены.

г) **Побуждение, провокация к согласию.** В лингвистической литературе способность функционировать в вопросительных предложениях с целью побуждения отмечена у МС *может, может быть* (Л.В.Анисимова, С.И.Буглак). Однако наши наблюдения показывают, что в подобной функции способно выступать МС *конечно*. Отличие такого высказывания в том, что говорящий попутно оказывает воздействие на адресата, поскольку положительный ответ предполагается единственно возможным: *Послушай, Ярмола, - обратился я к полесовицки, - а как бы мне с ней познакомиться с этой ведьмой?<...> Ты меня, конечно, проводишь?* (А.Куприн). *Конечно* употреблено в вопросительной реплике. Вопрос, сформулированный как уверенное предположение, по сути, представляет собой просьбу. Говорящий почти не сомневается в утвердительном ответе, провоцируя к нему собеседника, ср.: *Ты меня, я уверен, проводишь?* Такую интенцию мы называем **провокация к согласию**.

д) **Косвенное побуждение к поступку.** Иногда выражение уверенности в безальтернативности становится средством побуждения к действию других участников коммуникации: [Ведущий, обращаясь к артисту] *Вот текст,*

прочтите, если не затруднит... [К зрителям] *Безусловно, под общие овации зала* [зрители аплодируют] (из телепередачи). Как видим, говорящий оценивает ситуацию как единственно возможный вариант. Адресат чаще всего вынужден обеспечивать это соответствие, выполняя предложенные действия.

7. *Экспрессивная функция*. МС может использоваться как одно из средств выражения эмоциональной оценки, выполняя экспрессивную функцию, например, когда абсурдное и ненормальное событие квалифицируется при помощи МС как соответствующее норме: *Он занимался вошедшим недавно в моду шаманством: «вливал энергию», лечил, понятно, от всех болезней* (Э.Радзинский). В актуальном смысле *понятно* реализуются семы 'нормативность', 'объяснимость'. С точки зрения автора, лечить от всех болезней при помощи «вливания энергии» невозможно, это – нарушение нормы. Однако автору известно, что для определенной части общества это вполне приемлемый метод. Столкновение этих позиций порождает прагматический эффект иронии.

Сложно определить, какие из прагматических функций являются ведущими, какие второстепенными. В речи семантические и прагматические функции МС пересекаются, накладываются друг на друга. Отличительной особенностью МС является то, что при их употреблении одновременно реализуется целый комплекс семантико-прагматических функций.

Художественно-стилистические функции МС рассмотрены на материале «Повестей Белкина» и «Пиковой дамы» А.С.Пушкина. Выявлено, что МС могут использоваться с различными функционально-стилистическими целями.

В речи персонажей МС являются одним из средств речевой характеристики. В речи повествователя они употребляются как вспомогательное средство авторизации, маркируя позицию персонажа; включают повествователя в ряд участников событий, представляя его непосредственным наблюдателем; оформляют скрытый диалог повествователя с читателем; передают сложные взаимоотношения повествователя с персонажами, способствуя выявлению авторской позиции.

Анализ использования МС в художественном тексте показал, что, несмотря на то, что МС традиционно считаются незначительными словами, они способствуют актуализации авторского замысла и являются значимыми в художественной системе текста.

В заключении подводятся общие итоги исследования, намечаются пути и перспективы дальнейшего исследования модальных слов.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Роль анализа образца в обучении средствам выражения оценки // Проблемы развития речи в школе и в вузе: Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ин-та, 1993. – С. 95-98.
2. Полифункциональность модальных слов со значением персуазивности // Речеведение в теоретическом и прикладном аспектах: Тез. республиканской конф. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 1998. – С. 70-72.
3. Семантико-прагматический потенциал вводно-модальных слов со значением персуазивности // Языковая компетенция: грамматика и словарь: Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 1998. – С. 49-56.
4. Экспрессивные возможности вводно-модальных слов со значением персуазивности // Квантитативная лингвистика и семантика: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 1999. – Вып.1. – С.109-119.
5. Модальные слова в пространстве художественного текста // Проблемы интерпретационной лингвистики: Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2000. – С. 123-135.

Подписано к печати 11.05.2001. Формат бумаги 60х84/16.
Печать RISO. Уч.-изд.л. 1,12. Усл. п.л. 1,05. Тираж 130 экз.
Заказ № 22.

Педуниверситет, 630126, Новосибирск, 126, Вилкойская, 28

2-